

С

первых строк поэмы «Рубиновый перстень» выстраивается магическая вереница символов, проникновенно увиденных и не забытых поэтом Алексеем Прасоловым в детстве. Автор видит в черном печном зеве скачущих былинных красногривых коней, перстень, в котором зажат минерал с кровавым оттенком, символизовавший в древности воина, знак апостолов, фараонов и царей — орла, сжимающего многозначную свастику, навечно ставшую признаком гитлеровского изуверства и насилия. Все это запомнил мальчишка и рассказал всем, но только не все спустя двадцать лет после ухода фашистов:

В черном зеве печном
Красногривые кони.
Над огнем —
Обожженные стужей ладони.
Въелся в синюю мякоть
Рубиновый перстень —
То ли краденый он,
То ль подарок невестин.
Угловатый орел
Над нагрудным карманом
Держит свастику в лапах,
Как участь Германии.

А на выгоне
Матерью простоволосой
Над повешенной девушкой
Вьюга голосит.
Эта виселица
С безответною жертвой
В слове «Гитлер»
Казалась мне буквою первой.

Вот такое начало алфавита, такая школа — школа смерти! Уроки половых надругательств, жесточайших избиений, публичных казней — и все это непосильное к усвоению домашнее задание на всю оставшуюся жизнь.

Мелом беленные «тигры»
Давят лапами
Снежные русские вихри.
Новогоднюю ночь
Полосуют ракеты.
К небу с фляжками
Пьяные руки воздеты.
В жаркой школе —
Банкет.
Господа офицеры
В желтый череп скелета
В учительской целят.
В холодящих глазницах,
В злорадном оскале,
Может, будущий день свой
Они увидали?..
Их веселье
Штандарт осеняет с флагштока.
Сорок третий идет
Дальним гулом с востока.

Чего только не видели сельские ребята, жившие в СССР перед самой войной, во время войны и после нее... Потому, размышляя об условиях формирования личности поэта, я полагаю, что поэма «Рубиновый перстень» — одно из самых значимых произведений в его творчестве. В ней добро побеждает зло, в ней мы видим первоначальные причины внутреннего прозрения будущего художника. В ней сказано так значимо то, что на первый взгляд кажется незаметным.

У печи,
На поленья уставясь незряче,
Трезвый немец
Сурово украдкой плачет.
И чтоб русский мальчишка
Тех слез не заметил,
За дровами опять
Выгоняет на ветер.
Непонятно мальчишке:
Что все это значит?
Немец сыт и силен —
Отчего же он плачет?..

Об этих пришагавших к нам «наставниках» гениальный композитор и философ Георгий Свиридов писал: «Мазать Россию однообразной черной краской — наполнам с экскрементами, изображать или объявлять ее народ скопищем дремучих хамов и идиотов, коверкать, опошлять и безобразить ее гениев — на это

Алексей Прасолов

способны лишь люди, глубоко равнодушные или открыто враждебные к нашей Родине и ее народу. Это апостолы злобы, помогающие нравственно разлагать наш народ с целью превратить его в стадо и сделать послушным орудием в своих руках».

Разве сегодня мы не встречаемся с регулярной агрессией, разве нынче апостолы злобы не кружат над тем, что мы называем русским миром? Каждый, кто видел подлинное зло, знает, что оно может вернуться, и в этом стихотворении Прасолова и в словах Свиридова явлено упреждение для нас, живущих сегодня, и для тех, кто будет жить завтра.

А неделю спустя
В переполненном доме
Спали впокат бойцы
На веселой соломе.
От сапог и колес
Гром и скрип по округе.
Из-под снега чернели
Немецкие руки.
Из страны непокорной,
С изломистых улиц
К овдовевшей Германии
Страшно тянулись.
И горел на одной
Возле школы,
На въезде,
Сгустком крови бесславной
Рубиновый перстень.

Это не просто стихотворное посвящение освобождению родного края от немецко-фашистских оккупантов после великого Сталинградского сражения — это высвобождение из крысиных объятий смерти, первый луч холодного солнца, еще не греющий, но уже просветляющий и обнадеживающий. Потерявший во время войны отца и отчима Прасолов в своем творчестве будет часто возвращаться к волнующей теме, будто стремился к высвобождению себя из глубокого обволакивающего сумрака. Он постоянно искал спасение в свете.

Возможно, вследствие этого отношение к религии у Прасолова будет особен-

ное, он словно выводит формулу равенства в стихотворной конфигурации, сравнивая и выравнивая периферную реальность и божественное творение. Это отыскание смелое и опасное, это опыт богоборческий и неизлечимый.

Явись на землю — наверное,
Взъярился б кроткий Христос:
Ему здесь дарили тернии,
Гагарину — пламя роз.
.....

Не я ли с горькой цифрой на спине
За тот же хлеб в смертельной давке терся,
И там была спасительница мне
Не Мать Божья — тетенька из ОРСа.

Вот она, прасоловская поисковая параллель: Христос — Гагарин, Божья Мать — тетенька из ОРСа. Но разве это не зраки Господа? Прасолов видит Его так, видит в реальности следы Творца и сопоставляет. Для Прасолова полет первого человека на земле в космос — поступок, равнозначный с вознесением Спасителя. Сопереживание тетеньки из ОРСа — это проявления непорочности женского сердца, а у кого, как не у Пресвятой Девы Марии оно самое милующее, поэт словно одновременно призывает и не допускает Спасительницу.

Жизнь Прасолова — это поиск человеческого начала, отыскание Спасителя и спасения. Из рассказа, названного после смерти поэта «В храме», известно, что в раннем детстве Алеша Прасолов зашел в церквушку, подошел к единственной горевшей свечке, долго разглядывал окровавленное тело распятого Христа, из темноты к нему подошел человек в черном с ясным лицом, седыми волосами и бородой и удивительно мягким голосом, который спросил мальчика:

— Мальчик, зачем ты здесь?

— Так, — ответил я и отступил от света перед распятием.

И снова, уже сверху, откуда-то из-под купола, голос:

— Ты знаешь, кто Он?

— Иисус Христос.

— Ты молишься Ему?

— Нет.

Рука человека в черном легла на мою голову, на шапочку, связанную руками матери.

— Так знай, мальчик, верующий человек в храме должен стоять...

И незнакомец снял шапочку с мальчика, связанную его мамой. Алеша почувствовал холод, стало стыдно, а далее рассказ обрывается. Повествование об этой встрече — словно линия жизни поэта. Он получил в дар свыше жизнь во время войны и оборвал ее, как этот рассказ, на глазах у распятого за всех нас Христа.

В дневниках Алексея Прасолова есть такие строки:

«Принимая Есенина, мы — в массе своей — часто впитываем разное. Есть в поэзии Есенина страшная сторона — Черный человек. Тот, кто примет его в свою душу, погубит в себе живое, надломит себя. Черный человек отнял у нас поэта».

Пытливый ум Прасолова рискует найти грань, за которую нельзя ступить, он хочет знать координаты такой грани, а это путь ужасающий, безвозвратный. И он находит эту грань, он пишет о предстоящем в своих дневниках так:

«Я изойду всем, что накопилось, — и тогда до боли резко увижу свое, а вокруг меня, вокруг всех предметов — мягкий, теплый сумрак, и мир — из рембрандтовского глубокого сумрака».

Все, пытавшиеся проникнуть в непостижимое пространство по собственной воле, всегда были и будут обречены, как и странный романтический человек с берегов Дона, достигнутый апостолами злобы, и самовольно ушедший за ними, но незабытый нами.

Во время выпускного вечера в Литературном институте имени А.М. Горького я сказал любимой женщине поэта Инне Ивановне Ростовцевой, которая была наставницей моих сокурсников: «Вы знаете, я много читал Алексея Прасолова, и мне кажется, что его трагизм, его поэтический голос созвучен лишь прозе его великого земляка Андрея Платонова. Скромность, чужаковатость, необъяснимость — эти платоновские черты характерны и для Алексея Прасолова. Даже инициалы этих загадочных творцов одинаковы: П.А.» Инна Ивановна сказала: «Вы хорошо почувствовали его, а вы читали мою статью о нем?» — «Нет», — ответил я. И более мы никогда не общались, но статью я прочел.

В нашем православном Отечестве людей, совершивших самоубийство, не отпевают в церкви, но есть молитвенное обращение к святому мученику Уару, почитаемому в католической и православной церквях. Будем верить, что когда-нибудь Господь взыщет заблудшую душу поэта.

